

ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

В статье рассматриваются теоретические взгляды на проблему рациональности региональных и глобальных аспектов исследований в историко-культурологической мысли XX столетия. Автор анализирует примеры так называемой «метаистории культуры»: теоретические взгляды Ф. Броделя, И. Валерстейна, Н. Кондратьева, М. Кагана. Автор показывает, как разнообразие местных культур становится обычным в контексте развития мировой системы. Представлена гипотеза продуктивности общих процессов глобализации и регионализации культур.

Мировая историография культуры в XX веке была существенно обогащена новыми идеями и исследованиями масштабного характера. Они появились в рамках исторической науки и в процессе развития философско-культурологической мысли. Характерной чертой этих исследований было стремление к синтезу, охвату и объяснению всех сторон жизни общества в их единстве.

На смену повествовательному историописанию, которое следовало единичным фактам и письменным источникам и сосредоточивалось на воспроизведении хода политических событий, пришли концепции «глобальной истории», или «метаистории». Они представляли собой вполне определенный методологически и ценностно ориентированный подход к осмыслению динамики человеческой деятельности, ее смыслов и результатов.

История стала пониматься не столько как описание явлений минувших столетий, сколько как постановка определенных проблем, которые существенны для

современности, а решение этих проблем связывалось с необходимостью продуктивного диалога с другими людьми былых эпох.

Исследователей привлекало изучение и сопоставление больших исторических периодов, выявление общих и сходных черт в культурах разных народов и континентов. В их работах открывались удивительные синхронизмы, когда, казалось бы, далекие и не связанные между собой народы приходили к идентичным идеям и результатам деятельности. Они обнаруживали общие переломные моменты в геокультурном процессе, творческие порывы народов и спады их активности, выявляли конъюнктурные векторы и вековые тенденции в жизненном движении разных обществ. Исследователи открыли наличие значительных переходных цезур в становлении, развитии, угасании и смене больших культурных систем. Они пытались увидеть и охарактеризовать ритмический рисунок всеобщей истории и культуры.

В данном отношении показательны труды блестящей плеяды французских историков XX века. Это исследования *Марка Блока* и *Люсьена Февра* — основателей исторического журнала «*Анналы. Экономика, общества, цивилизации*» (1929), а также работы их последователей, приверженных духу исторической антропологии «*Анналов*» — Жака Ле Гоффа, Фернана Броделя, Марка Ферро¹.

Этим трудам присущ полидисциплинарный подход, который позволил многомерно исследовать феномены духовной жизни, связанные с социальными структурами. Вследствие этого социальная история обогатилась, включив в себя человеческую субъективность, динамику ментальностей элит и духовные структуры повседневной жизни народов.

Культура в исследованиях французских историков предстала как способ человеческого существования, система мировосприятия, совокупность картин мира, явно или скрытно присутствующих в сознании людей и определяющих модели их поведения.

Эти историки мастерски сочетали два метода в изучении культуры. Первый — синхронистический, раскрывающий общую пространственную картину времени, все явления которой взаимосвязаны и образуют противоречивую и вместе с тем устойчивую культурную систему. Второй — диахронический, дающий возможность проследить характер изменений в обществе и культуре во времени.

Продуктивность использования данных методов выразилась в творчестве яркого сторонника «глобальной истории» Ф. Броделя. В своей знаменитой трилогии² он синтетически воссоздал образ мира в единстве экономической, политической и культурной истории XV–XVIII веков.

Трилогия воплотила идею взаимодействия трех разных временных протяженностей, каждая из которых соответствует определенному уровню глубины истории и типу исторической реальности. В са-

мых глубоких временных слоях господствуют постоянные стабильные структуры, основными элементами которых являются человек, Земля и космос. Это самая длительная протяженность, которая измеряется столетиями и тысячелетиями. Вторая историческая реальность соотносена с устойчивыми экономическими и социальными процессами, целостность проявлений которых носит более динамичный характер. Это жизнь больших культур или цивилизаций. Третий тип исторической реальности охватывает «собственную», четко хронологически измеряемую ритмику политических, дипломатических, технических, художественных, персоналогических и других явлений. Внутри определенной исторической действительности, по мнению Броделя, могут существовать, переплетаться, накладываться одна на другую несколько временных протяженностей, выражая формы движения различных областей социокультурной жизни.

Необходимо также отметить, что французский мыслитель представил историю человечества как чередование господства на протяжении пяти-шести веков разных экономически относительно автономных макрорегионов, или «мир-экономик». К ним он отнес Дальневосточный, Урало-Азиатский и Евро-Атлантический ареалы, имеющие свой единый центр и общие для каждого из них временные ритмы и специфические переходы от одной системы к другой. Объясняя неравенство современного мира, Бродель выявил одновременное воспроизводство в нем исторически разных структурных реальностей, медленно и неравномерно утверждающихся и сглаживающихся.

В концепциях французской исторической школы заметно влияние предшествующей марксистской мысли («Я пересек океан «Капитала», — отмечал Ф. Бродель»³). Идеи этой школы в значительной степени повлияли на характер мышления многих историков XX века, на общую

направленность их научного поиска и расширение объекта исторической и культурологической наук.

Следует отметить, что интерес к метаистории был характерен для трех основных методологических позиций в трактовке мировой истории и культуры, существующих в европейской и российской науке XX века.

Речь идет, *во-первых*, о концепции линейного (эволюционного, стадийного или формационного) прогресса как всеобщей закономерности развития (М. Вебер, А. Вебер, А. Хаузер, Л. Уайт, И. Дьяконов и др.).

Во-вторых — о событийно-фактографическом эмпиризме, основанном на хронологическом принципе объяснения мировой динамики, который более всего распространился в среде историков.

В-третьих — о теории «локальных цивилизаций», акцентирующей уникальность и принципиальное равенство всех социокультурных систем человечества, разработанной Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, а затем развитой А. Тойнби и Л. Н. Гумилевым⁴. Исследователи, разделяющие разные философско-исторические позиции, критиковали друг друга либо за «эволюционизм» и «прогрессизм», либо за «позитивистский историзм и функционализм», либо за «культурный релятивизм». В ходе дискуссий предпринимались попытки преодолеть односторонность подходов в объяснении и понимании сверхсложных систем общества и культуры.

В дальнейшем стали получать широкое признание концепции циклической или циклически-волновой динамики социальных и культурных процессов. Новую схему и периодизацию истории создал К. Ясперс, выделив «осевое время» в развитии человечества, отнеся его к духовному процессу, который свершился в разных цивилизациях в период 800–200 гг. до новой эры и определил духовную суть последующих поколений⁵. Теория «больших циклов конъюнктуры» бы-

ла разработана советским экономистом Н. Д. Кондратьевым еще в 20-е годы, она получила высокую оценку специалистов как надежный инструмент социально-экономического предвидения и эвристически плодотворна до сих пор⁶. Исследование двухтысячелетней циклической динамики мировой истории было осуществлено в фундаментальных работах Питирима Сорокина⁷.

Описывая общества через аксиологическую систему, П. Сорокин выделил логико-значимые культурно-целостные системы как детерминанты культурного качества, показав, что они формируются под воздействием «двойственной» природы человека — существа мыслящего и существа чувствующего. Соответственно формируются разные социокультурные типы — идеациональные, идеалистические и чувственные. Фактором смены этих типов он считал распад той или иной доминантной культурной сверхсистемы, а будущее видел в новой идеациональности через очищение и воскрешение культуры, нравственное возрождение и утверждение этики солидарности.

Синтетическое исследование мировой истории, изучение циклического развития человечества активизировалось в последней трети XX века, когда проявился глобальный кризис и ученые стали искать его глубинные причины. Вышла целая серия зарубежных исследований, посвященных теоретической истории и философии культуры. Среди них следует выделить труды крупного теоретика мир-системного подхода Иммануэля Валлерстайна, написанные с позиций неомарксизма⁸.

Вслед за Ф. Бределем И. Валлерстайн показал, что исторические системы в двух разновидностях («мир-экономики» и «мир-империи») родились на перевале от средневековья к новому времени и существуют до сих пор. Российская империя и СССР всегда были частью единой суперсистемы в качестве «мир-империи». Сегодня она переживает по-

трясения, свойственные миросистеме в целом. «Капитализм как историческая система, — пишет Валлерстайн, — далек от того, чтобы быть успешным и победоносным, он находится сегодня в состоянии невероятных структурных трудностей. Крах коммунизма отнюдь не покончил с трудностями капитализма, сам этот коллапс является одной из основных причин текущих дилемм капиталистической системы... Мы верим, что современная миросистема вступила в эпоху «перехода», что она стоит перед точкой бифуркации и перед периодом великих родовых мук и повсеместного хаоса и что в течение следующих 20–50 лет мир эволюционирует к новому структурному порядку, который, может быть, будет, а может быть, нет, лучше, чем современная система, но, несомненно, будет иным»⁹. Если мы с Россией, коллективно должны «войти в мировой порядок большей сущностной рациональности, чем тот, в котором мы живем, — предполагает мыслитель, — то чрезвычайно важно, чтобы произошло широкое, разумное обсуждение возможностей исторического выбора»¹⁰.

Философско-теоретические концепции в российской науке XX века, длительное время находившиеся под решающим влиянием прежде всего прогрессистского формационно-типологического подхода, а позже — теории «локальных цивилизаций», в последние десятилетия обогатились новыми методологическими идеями — идеями системного, а затем синергетического анализа. Основателями синергетики — И. Пригожиным, Г. Хакеном, С. П. Курдюмовым в ходе исследования природных процессов самодвижения были выявлены закономерности взаимоотношения порядка и хаоса, нелинейный характер развития, значение неопределенностей и случайностей в бифуркационных состояниях системы, роль аттракторов в смене самоорганизующихся структур, а также векторном значении «стрелы вре-

мени» в последующем самодвижении системы¹¹. Затем синергетический подход повлиял на социальное познание. Он позволил создать универсальные для многих социальных наук объяснительные модели, которые помогают обнаруживать глубинную общность разных социальных процессов как процессов социальной организации, сопрягаемых с общеэволюционной логикой мироупорядочения¹².

Необходимо подчеркнуть, что стремление к синтетическим исследованиям с применением системно-синергетического анализа чаще проявляется в социально-исторических исследованиях¹³ и пока в меньшей степени — в осмыслении истории мировой и отечественной культуры. Однако и в этом направлении есть крупные достижения.

Первым фундаментальным трудом, в котором воплотились принципы синергетического анализа в сфере культурологии, стала книга петербургского профессора М. С. Кагана «Философия культуры»¹⁴. В ней идеи основоположников синергетики были развиты и применены в изучении процессов самоорганизации наиболее сложных антропосоциокультурных систем. В последующем не менее основательном труде «Введение в мировую культуру»¹⁵ он теоретически рассмотрел всю историю культуры человечества как закономерный процесс ее самодвижения, что позволило увидеть источники ее динамики, смены хроноструктур в ней самой в условиях меняющейся природной и социальной среды. Подчеркнем, что работы М. С. Кагана стали обновленной методологической базой для более конкретного рассмотрения общих и специфических закономерностей нелинейного движения культуры в целом и ее региональных подсистем.

В заключение краткого описания развития философско-исторических идей XX века в исследовании общества и культуры отметим следующее.

Во-первых, идея «глобальной истории» и вообще интерес к метаисториче-

ским построениям наблюдается на протяжении всего XX века. Во-вторых, интенсивность развития этого процесса достигает апогея в 60-е годы. В-третьих, постепенно набирает силу другая тенденция — ориентация исследователей в сфере социальной и культурологической мысли на локальную проблематику. В-четвертых, с конца 60-х — начала 70-х годов происходит явный поворот научной мысли к изучению этнических, национальных, региональных культур. В-пятых, в конце XX — начале XXI века регионалистика выходит на авансцену социокультурных интересов как науки, так и практики.

Актуализация региональной проблематики в современной науке имела свою историю и определенный философско-антропологический и социокультурный базис. В своей глубине регионализм имеет антропологические истоки и выражает фундаментальные свойства человеческой природы. Эти свойства скрыты в двуединстве человека как индивидуального и вместе с тем социального существа. Практически история человека есть становление, развитие и смена таких инвариантов жизнедеятельности, как автономизация и интеграция. На протяжении всего существования человечества шел циклически-волновой процесс то разъединения, автономизации этнокультурных организмов, то их объединения в пределах более крупных национальных общностей, а также региональных конфигураций различной таксономической мощности. Чем больше исторические общности достигали культурно-цивилизационной сложности, тем настоятельнее они требовали обособления в пределах единства, стараясь быть «своим другим».

По мнению С. П. Хантингтона, в условиях современного глобального мира на первый план выходит своеобразие не столько наций-государств, сколько культурно-цивилизационных комплексов. Аспекты взаимодействия между ни-

ми, включая солидарность или вероятность разломов и конфликтов, определяется различными способами самоидентификаций — по ценностным системам, структурам и технологиям жизнедеятельности¹⁶. К этому следует добавить, что выразительная тенденция к переосмыслению культурной идентификации характерна также для региональных субъектов внутри наций-государств, в том числе и России.

Видимо, пришло время дивергенции, и родники культурного многообразия стали вырываться из-под глыб глобальных и государственных унификаций. Регионально-типические особенности культуры теперь осознаются как важнейший источник творческой энергии людей. По мнению многих исследователей, важнейшей из парадигм современной общественной мысли является культурология, ибо оценка политических, экономических, историко-психологических и других перемен нашей эпохи в контексте социокультурного опыта, свидетельствует о неискоренимости многообразия человеческого бытия и глубоком влиянии этого фактора на самообновление мира¹⁷.

Вместе с тем, актуализация этого фактора не означает поражения стратегий интеграции и централизации. В определенной перспективе им нет альтернативы. Наряду с активными поисками этнической, национальной и региональной идентичности людей через то или иное обособление, перегруппировку культурных сил, пошел процесс становления новых интегрированных и устойчивых конфигураций. Причем полюсами напряженности в этих поисках становятся, с одной стороны, цивилизационные универсалии, а с другой — нередуцируемая культурная специфика различных сообществ. В этих усилиях с большими трудностями рождается пространство диалога культур и формируется философия диалога как теория совместных человеческих достояний, стержнем которой является учение о партнерстве¹⁸.

* * *

Осознание значения культурной специфики локальных сообществ происходило не только на философско-историческом уровне, но и в специализированных научных исследованиях и также в ходе социально-практической деятельности людей в странах Западной Европы и Юго-Восточной Азии. Сначала в фокусе их внимания оказалась региональная экономическая сфера, связанная с неравномерностью развития промышленных центров и отсталой периферии. После экономической депрессии и до 50-х годов в Северной Америке и Западной Европе осуществились различные стратегии «подтягивания», «выравнивания» провинций, создания в них «полюсов роста». В соответствии с этими стратегиями в отдаленные регионы направлялись финансовые и материально-технические ресурсы из индустриально развитых центров, а также создавались крупные комплексы материально и энергоемких производств на ранее слабо освоенных территориях.

Несмотря на удачу целого ряда проектов, оказалось, что периферия не является однородным полем, и в основе экономической отсталости могут лежать разные причины, без учета которых невозможна эффективная хозяйственная деятельность. С 60–70-х годов внимание ученых и политиков сосредоточилось на инфраструктуре и социальных основах экономического развития, и чем дальше, тем больше вскрывался сложный характер регионального бытия, недостаточность узкого экономизма в поддержке регионов и преодоления несбалансированности внутри стран. Многоплановая сущность регионов заставляла искать нестандартные решения и ставить задачи комплексного и вариативного социокультурного развития конкретного локального сообщества.

В этом отношении показателен опыт Франции, США, Канады, Испании, Швеции, Финляндии и ряда других стран,

отошедших от политики «латания дыр» и перешедших к выявлению и использованию социокультурных концепций развития в процессе региональной самоорганизации¹⁹.

Вне Атлантики — в странах Тихоокеанского и Индоокеанского ареалов — после второй мировой войны также ставились задачи модернизации и выравнивания регионального развития. Япония, Южная Корея, Таиланд, Тайвань, Китай, Малайзия и ряд других стран включились в модернизацию на позднеиндустриальном этапе истории, стали осваивать неорганичные для них стратегии развития и технологии, основанные на инокультурном опыте. Дело осложнялось тем, что жители этих стран в социокультурном отношении были не столь однородны, как в Европе. Их способам бытия была присуща многоукладность и разнородность, а зачастую и преобладание архаических или традиционных компонентов. Вследствие этого очень важно было найти правильный аксиологический путь в освоении чужого опыта, который бы обеспечил легитимность нововведений в сознании большинства населения и синергичный эффект в решении проблем модернизации жизни каждой большой или малой локальной общности.

Успех дела здесь был обусловлен тем, что инициаторам реформ удалось включить традиционные сообщества в освоение европейских хозяйственных технологий без отказа от укорененных духовных ценностей и основополагающих стереотипов поведения людей²⁰. Более того, традиционное ядро ценностей культуры и стереотипов поведения превращалось в сильные стимулы обновления бытия, что хорошо прослежено на опыте Японии и Китая²¹. Существенно, что в азиатских странах, успешно осваивающих методы региональной модернизации, роль государства была лидирующей, а наряду с задачами роста регионов акцентировались идеи инновационного развития всего национального сообщества.

В условиях глобализации материально-экономической, духовной и художественной культуры указанных стран в них выработывался определенный баланс между импульсами извне и возрождением внутренних потенциалов саморазвития, между освоением цивилизационных универсалий и сохранением культурной самобытности. Оказалось, что культурный регионализм — это критически осмысленная традиция, открытая навстречу инновационным преобразованиям информационной эпохи.

Само признание региональной культуры как самостоятельного и самодостаточного феномена укрепило понимание необходимости сохранения многообразия культур, обеспечения социальной стабильности как условия их последующего развития и преодоления цивилизационного кризиса. В итоге это говорит о поиске динамического равновесия двух основополагающих общественных тенденций — глобализации и регионализации, в которых проявляются имманентные свойства культуры — дифференциации и интеграции, сосуществующие взаимодополнительно.

Не случайно ЮНЕСКО в рамках недавно прошедшего Всемирного десятилетия культуры провозгласило принципы приоритета культурного развития и сохранения культурного своеобразия²².

Таким образом, как в Европе, так и в Азии региональная практика явила возможность превращения локальных особенностей из тормоза в мобилизующую силу преобразований. Этот позитивный опыт региональной модернизации обретает существенное значение для современных преобразований в России.

Постсоветский этап регионального обустройства России начался с попытки политической и экономической самоорганизации ее провинций. В течение десяти лет этот процесс осуществлялся преимущественно спонтанно. В его рамках складывалась идеология регионализма, связанная с борьбой отраслевых и регио-

нальных элит. Характерной чертой этой идеологии было игнорирование социокультурных аспектов российской модернизации, что и предопределило ее неудачу в 90-е годы. Сегодня очевидно, что в этот период были подорваны исторические корни бытия народов, проигнорированы культурные традиции, нарушено социальное равновесие и девальвированы фундаментальные ценностные ориентации как основа развития нации-государства.

С середины 90-х годов политики, разрабатывая стратегии локальных преобразований, начали ориентироваться на учет действия социокультурного фактора, но в наиболее обобщенном виде, принижая его действительное значение и проявляя некомпетентность в знании исторических предпосылок развития регионов, в понимании наличных социальных и культурных ситуаций, материальных и духовных потенциалов культуротворчества народов. Многие руководители региональных структур, работники образования, общественные деятели, журналисты приблизительно представляли себе реальные умонастроения, ценностные установки, отношение к традиции, квалификацию и веру, скептицизм и надежду, меру пассивности и активности, сегодняшние адаптационные возможности конкретного регионального человека, живущего в логике переходного периода. Именно нехватка достоверной информации о прошлой и современной культуре конкретных регионов страны, отсутствие доступных банков данных о каждой сфере культуры (социальной регуляции и организации, религиозной и научной, технической и правовой, политической и художественной, информационно-кумулятивной, физической и др.), то есть о каждой составляющей регионального комплекса, ее жизнеспособности или слабости, стихийности и целенаправленности — именно все это является немаловажными причинами утопичности ряда проектов преобразо-

вания разных областей России, схоластичности рассуждений о национальной Идее или Пути, а также причинами низкого уровня управляемости региональным развитием, что ведет к немалым гуманитарным издержкам.

Следует также отметить, что все еще недостаточно осмыслен и освоен сложнейший механизм самоорганизации регионального сообщества, что также порождает негативные процессы в управлении локальным развитием.

В середине 90-х годов в ряде своих устных выступлений академик Д. С. Лихачев сетовал на то, что наша страна живет сегодня без какой-либо осознанной перспективы своего развития — особенно в области культуры — и что до сих пор мы не имеем государственного документа программного характера развития культуры всех народов и регионов России. Действительно, тогда не были определены фундаментальные культурные стратегии и конкретные задачи, осуществление которых направило бы энергию народов не на разрыв многообразной и целостной социокультурной «ткани» отечества, а на созидание многовариантного культуротворчества, которое служило бы процветанию всех локальных общностей, единству России и ее достойной роли в решении глобальных проблем миросистемы, коэволюции человека и природы.

В самые последние годы региональные руководители, хозяйственники и политики все больше осознают значение локальной специфики и пытаются овладеть искусством превращения ее из тормоза в мотор региональной модернизации подобно тому, как овладели этим искусством многие страны Европы и Азии²³. Вместе с тем в стране получил широкое развитие культурологический дискурс как средство самоидентификации России, ее народов и региональных сообществ. Кроме того, стала активно развиваться теория культуры²⁴, регионалистика²⁵, теория культурной политики²⁶,

теория государства²⁷ и близкие им области науки²⁸.

Однако во многом продуктивность теоретической разработки проблем развития регионов и России в целом зависит от того, насколько изучен конкретный историко-культурный материал, регионально-этнические общности, культурная стратификация всей России, ее реальное поликультурное пространство, сотканное различными антропологическими традициями, изменившийся жизненный мир так называемых субъектов Российской Федерации.

Отечественная наука сегодня располагает глубокими исследованиями отдельных аспектов региональной жизни — экономических, географических, демографических, политических и в меньшей степени социологических и культурологических. Существует также значительное число серьезных исследований по археологии, этнографии, общей истории, литературоведению, а также в области сибироведения, североведения, кавказоведения, тюркологии и т. д. Написано множество трудов, посвященных дифференцированному изучению различных явлений, сфер, процессов социокультурного характера в отдельных республиках и областях России. Появились первые работы, в которых был проведен кросс-культурный анализ конкретных локальных сообществ, целостно представлены отдельные периоды развития истории культуры тех или иных субрегионов страны²⁹.

Актуальной задачей современной культурологической науки является синтетическое исследование крупных историко-культурных зон или макрорегионов России, выявление многосторонне-целостного способа совместной жизни и деятельности людей на этих территориях, ритмическому рисунку их социокультурного бытия, обусловленного меняющимся соотношением хаоса и порядка, универсализации и индивидуализации, дифференциации и интеграции, а также

культурным наследием, его семантикой и характером преемственности исторического достояния.

Решение этой задачи является необычайно сложным, ибо и культурология, и регионалистика выявляют себя не только как современные науки, но и как способ сопоставления и синтеза огромного количества специальных знаний в едином смысловом поле исторического культуротворчества народов, обитавших и обитающих на территории России и участ-

ствующих в ее цивилизационных созиданиях. Однако имеющиеся в мировой науке XX века опыты и позитивные результаты изучения глобальной истории, миросистемы, а также глубокое понимание значения локально-региональных систем в современном обновлении общества и культуры дают основания идти дальше в интегративном постижении взаимодополнительных процессов глобализации и регионализации культуры России и мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; *Ж. Ле Гофф.* Цивилизации средневекового Запада. М., 1992 и др.

² См.: *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Игры обмена. М., 1988; *Время мира.* М., 1992.

³ См.: *Dalin V.* Hommes et idées. М., Progress, 1983. P. 428–429.

⁴ См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991; *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991; *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1989 и др.

⁵ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1993.

⁶ *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. М., 1993.

⁷ *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

⁸ *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

⁹ Там же. С. 16.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Пригожин И.* От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985; *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980; *Курдюмов С. П.* Законы эволюции и самоорганизации в сложных системах. М., 1990.

¹² См.: *Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.

¹³ См.: *Князева Е. Н.* Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995; *Моисеев Н.* Путь к очевидности. Расставание с простотой. М., 1998; Концепция самоорганизации в исторической перспективе. М., 1994; *Крылов В. Ю.* Психология и синергетика. М., 1990 и др.

¹⁴ *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996.

¹⁵ *Каган М. С.* Введение в мировую культуру. Книга первая. СПб., 2000. Книга вторая. СПб., 2001.

¹⁶ См.: *Хантингтон С. П.* Грядущее столкновение цивилизаций? // США: экономика, политика, идеология. 1994. №3.

¹⁷ См.: *Аванесова Г. А.* Динамика культуры. М., 1997; *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М., 1996; *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995; *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001 и др.

¹⁸ См.: *Панарин А. С.* Политология. М., 1994. С. 92–150.

¹⁹ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия / Рук. исследования В. А. Красильников. М., 1994; *Ларина Н. И.* Мировой опыт региональной политики. Новосибирск, 1996.

²⁰ См.: Япония: Мифы и реальность. М., 1999; *Ларина Н. И.* Указ. соч.

²¹ См. напр.: *Буров В. Г.* Модернизация современного китайского общества // Модернизация и национальная культура. М., 1995.

²² Федерико М. С. Всемирное десятилетие развития культуры // Курьер ЮНЕСКО. 1988. Декабрь.

²³ Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: Механизмы самоориентации и региональная политика. М., 2001. С. 3–8.

²⁴ См.: Культурология как она есть и какой ей быть. Международные чтения по теории, истории и философии культуры / Гл. ред. Л. Морева. Вып. 5. СПб., 1998; Казан М. С. Философия культуры. СПб., 1996 и др.

²⁵ См.: Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А. С. Герца, Г. С. Лебедева. СПб., 1999 и др.

²⁶ См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000; Культурная политика России: история и современность / Отв. ред. К. Разлогов, А. Бутейко. М., 1999 и др.

²⁷ См.: Маркарян К. Общая теория постиндустриального государства. М., 2002 и др.

²⁸ Аванесова Г. А. Динамика культуры. М., 1997; Мотрусов Н. Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. М., 1995 и др.

²⁹ См. напр.: Розенберг Н. А. Прорубить окно в Азию. Ижевск; СПб., 2001.

L. Mosolova

THE GLOBAL AND THE REGIONAL IN THE PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL THOUGHT OF THE XX CENTURY

Theoretical views on the problem of rationality of regional and global aspects of re-search in the historic-cultural thought of the XX century are considered. Examples of the so called «meta-history of culture»: theoretical views of F. Brodel, E. Wallerstein, N. Kondratyev, M. Kagan are analysed. The author demonstrates how the variety of local cultures become common within the context of development of the world system. Hypothesis on the productivity of processes of general globalization and regionalization of cultures is presented.